

ПОЛИТОЛОГИЯ И СОЦИОЛОГИЯ

УДК 316

В. И. Певтиев

А. де Токвиль и П. А. Сорокин: неостребованные идеи для современной России

В статье представлено авторское видение актуальности идей А. де Токвиля (XIX в.) и П. А. Сорокина (XX в.) для России XXI в.

Ключевые слова: А. де Токвиль, П. А. Сорокин, современная Россия, фазы и последствия революции, интегративные знания, демократия, свобода и равенство.

V. I. Pevtiev

A. de Tocqueville and P. A. Sorokin: Unclaimed Ideas for Modern Russia

In the article is represented the author's opinion about the urgency of ideas of A. de Tocqueville (XIX century) and P. A. Sorokin (XX century) for Russia of the XXI century.

Keywords: A. de Tocqueville, P. A. Sorokin, modern Russia, phases and revolution consequences, integrative knowledge, democracy, freedom and equality.

Можно без преувеличения сказать: искусство жить свободным способно творить чудеса, в то же время нет ничего труднее, чем учиться жить свободным.

А. де Токвиль

Сделай, что можешь, лучше потерпеть неудачу в достижении великой цели, чем успешно плавать на мелководье!

П. А. Сорокин

Обращение к мыслителям прошлых эпох – это не дань юбилейным датам, а влияние времени, императив XXI века. Общеизвестные авторитеты в социогуманитарных науках часто являются объектами церемониального пиетета, но без глубокого и исчерпывающего изучения всего того, что ими сказано, написано и опубликовано. Тем самым пропадают, замалчиваются, искажаются и идеи и наблюдения, ускользнувшие по тем или иным причинам от внимания современников и потомков. Невостребованные размышления нами обнаружены в наследии А. де Токвиля и П. А. Сорокина. В первую очередь они относятся к их высказываниям относительно фаз и последствий революций (соответственно XIX и XX вв.), неуживчивого сожительства демократии, свободы и равенства. В XX в. дореволюционная Россия пережила три революции (1905–1906 гг., Февраль и Октябрь 1917 г.). Черда потрясений (перестроек) остановила свой трагический след в

истории СССР (30-е гг. XX в., XX съезд КПСС, перестройка при М. С. Горбачеве). Видимо, и постсоветская Россия пережила «свою» революцию (1991–1993 гг.). Каждая революция оставляет длинные тени, парадоксы, аномалии и деформации. Погружение в летописи и уроки революций должно быть поучительным для поколений XXI века.

Алексис де Токвиль (1805–1859) – автор двух эпохальных работ «О демократии в Америке» (1835) и «Старый порядок и революция» (1856), а также множества статей, заметок, рукописей. Вдова А. де Токвиля подготовила многотомное собрание его сочинений. Фундаментальная библиотека ЯГПУ им. К. Д. Ушинского располагает разрозненными томами. Историки экономической мысли обнаружат там дельную критику взглядов Тюрго и физиократов, переписку с Дж. Ст. Миллем (например, письмо от 1 февраля 1836 г.), размышления и впечатления от путешествий по США (1831–1832), Англии (1833), Ирландии (1835), Германии и Швейцарии (1836). Особенно богат на неопубликованные материалы Т. VIII, 1865 [с. 53, 73, 158–167, 332–339, 451, 487]. Завершается том нетривиальными сентенциями о революции 1789 г. Чувство ненависти, которое вызывала аристократия, не всегда было

пропорционально ее порокам и злоупотреблениям. В начале революции беды от старого порядка хуже, чем опасения из-за ее последствий. На финише революции страхи перевешивают пережитые беды (в вольном переводе автора). Вспомним проклятия в адрес последнего российского императора. Свежи воспоминания от постсоветской революции 1991–1993 гг.

А. де Токвиль – атипичный мыслитель. Его воодушевляла страсть к политической и духовной свободе. Обладая сильной интуицией, он, по словам Сент-Бёва, «начинал размышлять еще до того, как что-либо узнавал». Скорее политический философ, нежели практикующий политик, по мнению Гарольда Дж. Ласки, А. де Токвиль не отвечал модели политика своего времени: в общении был холоден и сдержан, слишком независим, плохо говорил, не обладал способностью мгновенной адаптации к зигзагам дискуссии [11].

Эти человеческие и общественные слабости А. де Токвиля не подрывают его величия и не перечеркивают его достижений в изучении революции во Франции (1789, 1830, 1848), имеющих интернациональное значение. Суммируем его важнейшие открытия в политологии и социологии.

Двухтомник «Демократия в Америке» – это хроника и осмысление 38-дневного путешествия А. де Токвиля с другом Бомоном по США (1831). Спустя десятилетия после освобождения от гнетущей опеки Великобритании народ США подтвердил вывод Гизо: свершившаяся революция – это триумф средних классов над аристократией и духовенством. Но третье сословие (то есть буржуазия, особенно мелкая) не может вести себя величественно. У среднего класса доминируют обывательские настроения, сосредоточение на достижении богатства. А. де Токвиль справедливо опасался, что материальный комфорт может одержать верх над великой идеей. Храм истины строят на возвышенном – недоступном для людей среднего таланта. Актуально звучит предостережение А. де Токвиля: народ, до этого не имевший политических прав, получает их, – это кризис, кризис часто необходимый, но всегда опасный [12]. В современной России свобода многими воспринимается как своеволие, анархия, неразбериха. Однако А. де Токвиль отдает должное инициативе и самодисциплине граждан США: «Американцы уважают законы не только потому, что они их создают, но еще и потому, что они могут их изменить, если законы приносят им вред» [13]. Он предупреждал о неминуемом

столкновении свободы и равенства, с угрозами для политической и социально-экономической стабильности. Цитата А. де Токвиля объемна, но она познавательна для верхов и низов России: «Демократические народы всегда с любовью относятся к равенству, однако бывает период, когда они доводят эту любовь до исступления. Это случается тогда, когда общественная иерархия, долго расшатываемая, окончательно разрушается в результате междоусобных схваток и когда барьеры, разделявшие граждан, наконец-то оказываются опрокинутыми. В такие времена люди набрасываются на равенство, как на добычу, и дорожат им, как драгоценностью, которую у них могут похитить. Страсть к равенству проникает во все уголки человеческого сердца, переполняет его и завладевает целиком. Бесполезно объяснять людям, что, слепо отдаваясь исключительно одной страсти, они ставят под угрозу свои самые жизненно важные интересы: люди остаются глухими. Бесполезно доказывать людям, что, пока они смотрят в другую сторону, они теряют свободу, которая ускользает прямо из их рук: они остаются слепцами, или, скорее, способными видеть во всей вселенной один единственный предмет своих вожделений» [14]. Вспомним непрекращающиеся обвинения в адрес «олигархов», чиновников, взяточников. Мысль А. де Токвиля проста как свет, глубока в своей справедливости и трудна до боли для восприятия как аксиома поведения.

Вершина интеллектуального подвига А. де Токвиля – его неувядающий труд «Старый порядок и революция». Автор оценивал его как этюд о революции 1789 г. Редактор дореволюционного издания на русском языке, профессор Московского университета П. Г. Виноградов высказывал самое высокое мнение о сочинении французского политолога: «Прошло сорок лет со времени его появления. Ни одно из его основных положений не устарело... Это лучшее введение к предмету и лучшее суждение о причинах и направлениях революции. 1789 год – это не просто крупное событие, а как узел, в котором сходятся нити прошлого и современности» [15]. Выделим отдельными абзацами проницательные выводы А. де Токвиля.

Революция имела два фазиса, весьма отличных друг от друга: первый, в течение которого французы, казалось, хотели все уничтожить в своем прошлом, и второй, когда они из прошлого снова берут часть того, что покинули [16].

Люди соприкасаются с революцией, но не видят ее, даже гениальные люди. Ими овладевает иллюзия, что, мол, революция местная и случайная [17].

Пронзительное наблюдение о переменах без изменений: «Если администрация, при каждом государственном перевороте теряла свою голову, то ее тело оставалось нетронутым и продолжало жить... Что им (чиновникам. – В. П.) до имени господина? Оттого и казалось, по мановению первого толчка, будто в стране ровно ничего не изменилось... Никто уже не знал, кому повиноваться, к кому обращаться и как быть в тех мелких и частных делах, из которых складывается обыденное движение общественной жизни» [18]. В памяти остались турбулентные 90-е гг., всеслепие старой и новой номенклатуры.

У народа – более глубокая и более древняя старость – жестокость и неискоренимая ненависть к неравенству [19].

Похвала А. де Токвиля в адрес экономистов XVIII в.: «Когда я читаю речи и сочинения деятелей Революции, я чувствую себя внезапно перенесенным в место и среду общества, которое я не знаю. Но когда я просматриваю книги экономистов, то мне кажется, что я жил с этими людьми и что я только что беседовал с ними» [20].

Революция долго держит ее современников в раздумьях: каким идеалам поклоняться и служить? Озвучим малоизвестное суждение А. де Токвиля из неоконченной статьи «Экономическое и политическое состояние Франции до и после 1789 г.» (1836): «Никогда не было во Франции более горделивого и независимого в своем мнении и поступках дворянства, чем в эпоху феодализма. Никогда дух демократической свободы не проявлялся бы с такой силой, я бы даже сказал, неистово, как во французском средневековье и в Генеральных штатах, собиравшихся в исторические периоды, вплоть до начала XVII века» [2]. Информация к размышлению...

Столь же странным звучит и признание политика и публициста Франсуа-Рене де Шаторбина (1768–1848): «Раз уж нельзя сохранить легитимную монархию, меня республиканца по природе, монархиста по убеждениям и бурбониста по долгу чести, гораздо больше устраивает демократия, нежели прилюдная монархия (намек на революцию 1830 г. и короля-буржуа Луи-Филиппа. – В. П.), порожденная неизвестно кем» [2]. Мое объяснение столь парадоксальных высказываний гениев XIX в. таково. Речь идет о ностальгии; от нее не могут избавиться «шестидесятники», со-

временники «оттепели» при Н. С. Хрущеве и очевидцы показательных достижений той поры. Сказывается и побочный продукт постсоветской революции – «гибридность» общественного сознания части интеллигенции. А. Ципко называет такое сознание «смутным» [21].

Питирим Александрович Сорокин (1889–1968) оставил глубокий и неизгладимый след в истории социологии России и США. Исследователи творчества П. А. Сорокина фиксируют такие памятные вехи в его интеллектуальной биографии, как публицистика и дневники до и после Октября 1917 г. [22], работа по социологии революции (1925), многолетний труд «Социальная и культурная динамика» (1937–1941), эпатажные статьи в 60-е гг. XX в. Почти три десятилетия профессор Гарвардского университета (1930–1959). Автор более 50 книг. В США многие коллеги считали его «одиноким волком» от науки. Менее всего изучены его статьи и выступления в России до эмиграции (1922), а также мемуары «Долгое путешествие» и пророчества на закате жизни [3]. В России возрождается интерес к полномасштабному освоению всего корпуса сочинений, регулярно проводятся «Сорокинские чтения» [23].

В эпоху кризиса методологического знания надлежит воспользоваться ориентиром П. А. Сорокина. «Творить понятия и есть высшая цель всех подлинных обществ... Только с появлением понятия начинается знание... Мир понятий нельзя взвесить так просто, как мы взвешиваем хотя бы камень... Наше знание опережает миропонимание и искусство и все вместе взятое, практику, быт... Отсюда и практический вывод: больше знаний! больше науки! больше понятий! – остальное все приложится». И подводится крамольный для материалистического понимания истории вывод: мысль первична [4].

В сумятице двух революций 1917 г. П. А. Сорокин высказывал здравые мысли относительно судьбы России перед лицом назревавшего междоусобия: свой порядок в Ташкенте, иной в Самаре, новый в Калуге. Иными словами, множество всяческих властей [5]. Именно тогда П. А. Сорокин выдвинул программу федерализации России [1] с одной важной прагматической рекомендацией от противного: нельзя экономически цельную территориальную единицу делить на две федеральные области или наоборот – в одну федеральную единицу объединить две разнородные по экономическим условиям территории [6]. Такой подход рационален и для современной

России, приступившей к формированию макро-регионов и агломераций.

П. А. Сорокин продолжает эстафету идей относительно фаз революции. Приведем итог его размышлений из фрагмента «Бойня: революция 1917 года» (1924): «В полном жизненном цикле всех великих революций как бы просматривается три типичные фазы. Первая обычно очень кратковременная. Она отмечена радостью освобождения от тирании старого режима и ожиданиями обещааемых реформ. Эта начальная фаза лучезарна своим настроением, ее правительства гуманистичны и милостивы, а его политики мягки, нерешительны и часто бессильны. Но вот в людях начинает просыпаться «наихудший из зверей». Краткая увертюра походит к концу и обычно на смену ей приходит вторая, деструктивная фаза. Великая революция превращается в ужасный шквал, неразборчиво сметающий все на своем пути. Она безжалостно искореняет не только обветшалое, но и все еще жизнеспособные институты и ценности общества, а тем самым уничтожает не только отжившую свой век политическую элиту старого режима, но и множество творческих лиц и групп. Революционное правительство на этой стадии безжалостно, тиранично, а подчас кровожадно, а его политика преимущественно деструктивна, насильственна и террористична. И если случается, что торнадо второй фазы не успевает до конца разрушить нации, то революция постепенно вступает в свою третью, конструктивную фазу... Причем этот новый строй основывается не только на новых революционных идеалах, но и реанимирует самые жизнестойкие дореволюционные институты, ценности и способы действий, временно разрушенные на второй фазе революции, но возрождающиеся и вновь утверждающие себя помимо воли революционного правительства. В постреволюционном порядке обычно новые модели и образцы поведения тем самым гармонизируют со старыми, но не потерявшими жизненную силу образцами дореволюционных действий [7]. Теория трех фаз революции неоднозначна, но и неисчерпаема, если обращаться у сравнительному анализу революции во Франции и России.

П. А. Сорокин со ссылкой на И. Тэна утверждает, что ни одно из хороших социальных жилищ не было выстроено сразу, по полному разрушению старого и по абсолютно новому, выдуманному искусным архитектором плану. Каждое из них, например, английское общество, возводилось вокруг первоначального массивного ядра

и опиралось на него: лишь постепенно и исподволь к нему делались пристройки и вводились изменения. Словом, хорошо и прочно то, что строится исподволь и постепенно, а не «по щучьему велению», не путем конвульсивных и смелых разрушений старого режима. Подобно французскому народу в прошлом столетии, мы забыли эту истину. И поплатились, и платимся за ее забвение [8]. И снова заповедь для студентов петроградского университета (речь от 21 февраля 1922 г.): спасти жизнь, душу и лицо нации – это спасти главное; достояние и богатство – дело наживное.

В этой речи незадолго до эмиграции (П. А. Сорокин – пассажир «философского парохода». – В. П.) горячо и убежденно высказаны важнейшие положения морального кодекса ученого. «Первое, что вы должны взять с собой в дорогу – это знание, чистую науку, обязательную для всех, кроме дураков, не лакействующую ни перед кем и не склоняющую покорно голову перед чем бы то ни было; науку, точную, как проверенный компас, безошибочно указывающую, где Истина и где Заблуждение... Второе, что вы должны взять с собой, это любовь и воля к производительному труду, тяжелому, упорному, умственному и физическому. Время “сладкого ничегонеделания”... кончилось. Мир – не зал для празднующихся, а великая мастерская, и человек – не мешок для переваривания пищи и пустого прожигания жизни, а прежде всего – творец и созидатель» [9]. Комментарии излишни.

П. А. Сорокин обладал незаурядным даром пророчества. Он предвидел перемещение творческого лидерства из Европы (Европейского Запада) в США, Азию и другие континенты. Ему удалось диагностировать приметы не только деградации чувственной культуры, но и тенденции зарождения интегративных знаний [10].

Подведем предварительные итоги. А. де Токвиль и П. А. Сорокин формировали растущую интегративную науку – политическую философию с креативными выходами на историю и социологию. Эти гиганты наук о человеке и обществе обнаружили: каждая революция имеет «свое» неприглядное лицо, сопровождается конвульсиями, знает взлеты и падения энергии и инициативы личности и социума (народа, масс), дает пристанище плутократии и временщикам с жаждой власти. Эти эксцессы революции мешают современникам и даже потомкам опознать, описать и объяснить поворотные точки в жизненном цикле революции, определить сложный

баланс приобретений и потерь по каждому витку общественного развития. Поколение начала XXI в., идя вперед, одновременно обязано оглядываться назад и усваивать уроки прошлых эпох, обнаруживать в них и странные сближения, и исторические параллели.

Примечания

1. Ионов, Б. А. Идеи федерализма П. А. Сорокин // Вестник Моск. ун-та. Серия Пол. науки. – 2010. – № 1. – С. 111–112.
2. Цит. по: Компаньон, Антуан. Антимодернисты // Неприкосновенный запас. – 2010. – 4 (76). – С. 24.
3. Согомонов, А. Ю. Судьбы и пророчества Питирима Сорокина // Сорокин, П. Человек. Цивилизация. Общество. – М.: Политиздат, 1992. – С. 5–24.
4. Сорокин, П. А. О так называемых факторах социальной эволюции // Человек. Цивилизация. Общество. – М.: Политиздат, 1992. – С. 527–531.
5. Сорокин, П. А. Заметки социолога. Социологическая публицистика. – СПб.: Алетейя, 2000. – С. 201–203.
6. Сорокин, П. А. Заметки социолога. Социологическая публицистика. – СПб.: Алетейя, 2000. – С. 249.
7. Сорокин, П. А. Человек. Цивилизация. Общество. – С. 223.
8. Сорокин, П. А. Заметки социолога. Социологическая публицистика. – СПб.: Алетейя, 2000. – С. 268.
9. Сорокин, П. А. Заметки социолога. Социологическая публицистика. – СПб.: Алетейя, 2000. – С. 265–266.
10. Сорокин, П. А. Главные тенденции нашего времени. – М.: Наука, 1997. – С. 11, 25, 231 и др.
11. Токвиль, Алексис. Демократия в Америке / пер. с фр. – М.: Прогресс, 1992. Предисловие. – С. 5–22.

12. Там же. – С. 189.
13. Там же. – С. 190.
14. Там же. – С. 373.
15. Токвиль. Старый порядок и революция / пер. с фр. – М.: Тип. А. Г. Кольчугина, 1896. – С. 3–7.
16. Там же. – С. 3–7.
17. Там же. – С. 11.
18. Там же. – С. 19.
19. Там же. – С. 222–223.
20. Там же. – С. 228.
21. Ципко, Александр. О родовых травмах посткоммунистической российской катастрофы // Наука и жизнь. – 2011. – № 2. – С. 3–11.
22. Потрясающее предвидение последствий Октябрьского переворота и возмущение поведением тех, кто переметнулся в лагерь большевиков, П. А. Сорокин высказал в статье «Мне стыдно» (газета «Воля народа» от 28 октября 1917 г.). Он не скрывал своих эмоций: «Совершено величайшее преступление пред народом и революцией, а публика многолика и многоголовая... бездействует и ничем не проявляет свое возмущение и протест... Мне стыдно за нашу нравственную дряблость, за нашу трусость, за наше малодушие». См.: Сорокин, П. А. Заметки социолога... С. 180–181.
23. В V «Сорокинских чтениях» (2009) приняли участие В. И. Добреньков, А. Г. Дугин, В. В. Василенко, Ю. М. Плотинский и др. См.: Вестник Моск. ун-та. Серия Социология и политика. – 2010. – № 1. – С. 3–63. Из материалов данной дискуссии нам импонируют два тезиса П. А. Сорокина. Когнитивные науки – это междисциплинарные исследования процесса приобретения, хранения и использования знаний (с. 46). Ни одна из форм культуры не беспредельна в своих созидательных возможностях, они всегда ограничены (с. 50–51).